

ЗАРОДЫШИ БУДУЩЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

И. Д. Котляров

НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

E-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

Происходящие в настоящее время трансформации привычного социально-экономического устройства позволяют поставить вопрос о возможности оценки этих преобразований как предшественников новой социально-экономической модели. В соответствии с теорией Маркса, на смену капитализму идет социализм, и, не исключено, эти трансформации, по крайней мере, частично, могут рассматриваться как зародыши социализма в недрах капиталистического мироустройства.

По этой причине интересно рассмотреть содержание этих трансформаций и сопоставить их с взглядами классиков марксизма на природу социализма.

Отметим, что сходная задача была поставлена в статье А. А. Бузгалина (Бузгалин, 2018), в которой показывается, что необходимость наращивания эффективности капитализма требует допущения в капиталистическом обществе островков будущего мироустройства – **островков свободы в царстве необходимости.** Это обуславливается трансформацией производительных сил, ростом значимости креативного труда, полноценное функционирование которого в рамках традиционной капиталистической модели затруднительно. Таким образом, на вопрос о наличии в современном обществе зародышей будущего социализма А. А. Бузгалин дает положительный ответ. Забегая вперед, скажем, что мы в целом солидаризируемся с этим выводом. Тем не менее, по отдельным важным моментам мы частично расходимся с результатами А. А. Бузгалина. Кроме того, в написанной им статье (Бузгалин, 2018), по нашему мнению, охватил

не все значимые аспекты трансформации современной социально-экономической модели.

Предлагаемая ниже работа представляет собой попытку изложить наше видение происходящих в современной экономике преобразований, тем самым дополнив и расширив те выводы, к которым приходит А. А. Бузгалин в своей чрезвычайно интересной и глубокой статье.

Согласно концепции Маркса, развитой его последователями, основными признаками социализма являются:

- Общественная собственность на средства производства. К сожалению, проблема реализации общественного характера собственности сталкивается с противоречиями. В рамках советской модели социализма для этого использовалась государственная собственность, и при этом декларировалось, что государство служит интересам социалистического общества. Однако у государства (у государственной машины) были и свои интересы, не совпадавшие с интересами значительной части населения, что вело к росту отчуждения людей и к осознанию государственной собственности не как общенародной, а как бесхозной или же как просто чужой. Во втором случае можно говорить о феномене государственной частной собственности (и, как следствие, о государственном капитализме). При капитализме, который также значительно развился со времен Маркса и постарался избавиться – хотя бы с виду – от своих наиболее отталкивающих черт, инструментом обобществления собственности служило акционирование предприятий (в том числе и путем надления акциям работников этих компаний). Однако это осуществлялось в рамках сохранения частной собственности. Иными словами, частная собственность, даже размытая между совладельцами, остается частной. Кроме того, акционированию подвергалось не все достояние нации, а отдельные имущественные объекты, и, таким образом, гражданин становился совладельцем только одного конкретного объекта, а не получал долю во всем национальном достоянии (и не мог претендовать на выгоды от тех объектов,

акционером которых он не являлся). Эти имущественные объекты остаются частными и отделенными друг от друга (единая общественная собственность не формируется), и совладельцы разных объектов могут иметь разные интересы, что препятствует формированию интереса общественного;

- Отсутствие эксплуатации, ликвидация отчуждения труда и создание простора для самореализации человека. Это достигается благодаря высокому уровню развития производительных сил (в т. ч. за счет автоматизации) и высокому уровню удовлетворения материальных потребностей, в значительной степени достигнутых до социализма, т. е. на капиталистической стадии развития. Социализм – удел богатого и технологически развитого, а не нищего и отсталого общества¹.

Для социализма типичны возвышение потребностей, постепенное размывание границ между досугом и работой и глобальный характер производительных сил (однако последнее условие может быть достигнуто и при капитализме, поскольку оно служит основой для перехода к социализму). При этом сохраняется товарный и денежный характер экономики.

Переход от капитализма к социализму происходит благодаря целенаправленным действиям пролетариата, берущего в свои руки политическую власть и осуществляющего отчуждение средств производства от их капиталистических собственников (и переводящего их в общественное достояние). Очевидно, что эти действия пролетариата носят более или менее

¹ Именно поэтому на развалинах царской России – и так отсталой в экономическом и промышленном плане страны – социализм возникнуть не мог. В течение определенного времени в СССР доминировала социалистическая идеология, но социалистической экономики и социалистического общества выстроено не было. Неслучайно Ленин в последние годы своей жизни, уже после победы большевиков, стал говорить об организации в России государственного капитализма, а не социализма. Трагизм истории, возможно, заключается в том, что советский проект, запущенный в 1917 г. как социально модернизационный и глобальный, т. е. призванный трансформировать мировое общество и обеспечить победу революции на всей планете, в силу нехватки ресурсов (и отсутствия внешней поддержки, а точнее – из-за необходимости выживать во враждебном окружении) превратился в экономически модернизационный и локальный, т. е. направленный на ликвидацию экономической и промышленной отсталости России (одной отдельно взятой страны). Революционный энтузиазм и тщательное планирование экономики должны были сделать то, с чем не справился слаборазвитый и компрадорский дореволюционный отечественный капитал – выстроить в России мощную хозяйственную базу, чтобы заложить материальную основу социализма. К сожалению, построенный в СССР государственный капитализм, вынужденный отказаться от капиталистических инструментов управления экономикой и не полагающийся на частную инициативу, с этой задачей тоже не справился и справиться не мог (в силу несоответствия поставленной задачи и используемых механизмов).

насильственный характер из-за необходимости преодолеть сопротивление капиталистов.

Позволяют ли происходящие вокруг нас изменения говорить о чем-то подобном? Ситуация носит достаточно противоречивый характер.

Автоматизация и цифровая экономика находят **все более широкое применение**. С одной стороны, это ведет к развитию производительных сил, к росту производительности труда, но, одновременно, и к высвобождению работников и рискам безработицы. С другой стороны, создаются новые, цифровые рабочие места, а для защиты интересов трудящихся предлагается облагать налогом промышленных роботов. **Последнее предложение может трактоваться как специфическая форма распределения выгод от повышения производительности между всеми членами общества (специфичность заключается в том, что эти выгоды распределяются не напрямую, как это было бы в случае общественной собственности, а через налоговые изъятия, т. е. в искаженной капитализмом форме).**

Еще одним направлением обеспечения людей выступает концепция гарантированного дохода, постепенно обретающая все большее число сторонников.

Производительные силы постепенно приобретают глобальный характер. Самым наглядным примером является Интернет – глобальный ресурс, основа современной информационной экономики, во многом преобразовавший бизнес-модели предприятий и открывший возможности более эффективного использования общественных ресурсов (например, за счет краудсорсинга, но не только). При этом Интернет, что очень важно, не принадлежит никому и не локализован в какой-либо стране. Да, отдельные его элементы находятся в частной собственности, а поведение людей и предприятий в нем может подвергаться контролю – но в целом Интернет как совокупный ресурс глобален (наднационален) и не находится в чьей-либо собственности. Отметим, что, только став наднациональным и не принадлежащим кому-либо, Интернет смог трансформировать мировую

экономику, в то время как национальным частным проектам, которые были предшественниками Интернета (например, французской системе Minitel), это не удалось.

Интернет, формирующий единое информационное пространство, **служит проявлением глобального характера современного общества** (и во многом – источником этой глобальности). Поскольку же современное общество является информационным и значительная часть производственной деятельности и социальной активности связана с информационными потоками, Интернет обеспечивает глобализацию производительных сил.

Однако наряду с глобальной информационной инфраструктурой постепенно начинает формироваться глобальная энергетическая и производственная инфраструктура. Большой интерес представляет китайский проект создания всемирной энергосети с перетоками электроэнергии между континентами. Этот проект откроет доступ к электричеству практически всему населению планеты и сформирует глобальную систему электроснабжения (что, в сочетании с плавно идущей роботизацией, в соответствии с утверждениями С. С. Губанова, позволит придать производительным силам подлинно глобальный характер). Если вспомнить знаменитую формулу Ленина о советской власти и электрификации всей России, то описанный проект представляет собой своего рода реинкарнацию этой формулы на новом технологическом уровне, причем, что очень важно, в масштабах всей планеты, а не одной страны (а ведь проект построения социализма в одной отдельно взятой стране с самого начала вызывал скепсис у многих). Этот проект, в отличие от ГОЭЛРО, направлен, вероятнее всего, не на построение социализма, а на обеспечение и закрепление глобального технологического, экономического и политического лидерства КНР, однако новые модели мироустройства могут прокладывать себе дорогу самыми неожиданными путями. Здесь можно говорить не о невидимой руке рынка, а о невидимой руке истории, ее неслышимой поступи, когда частные интересы

ведут к реализации общественного блага и достижению новой социально-экономической модели мира.

Отметим, что высокий уровень развития производительных сил и их глобальный характер не являются признаком социализма. Однако выполнение этих условий важно для формирования материальной производственной базы социализма. Как можно предположить, частично эти условия уже выполнены, и в дальнейшем степень их выполнения будет только нарастать.

Самая противоречивая ситуация складывается с темпами роста благосостояния людей. Он замедляется, а в ряде стран он замер на одном и том же уровне и даже падает. Однако благосостояние, накопленное за период быстрого роста капитализма в период 1950-70-х гг., все же позволяет говорить о том, что у значительной части населения планеты большая часть материальных потребностей удовлетворена или постепенно достигает удовлетворения (что, разумеется, не отменяет наличия ужасающей бедности как в отдельных частях планеты, так и в ряде мест формально процветающих стран), что позволяет в целом говорить о формировании материальной базы, достаточной для перехода к социализму.

Интересно, что достаточный уровень материального благополучия в сочетании с отказом от избыточного потребления (а сам этот отказ можно рассматривать как пример возвышения потребностей) ведет к обобществлению или, точнее, к квази-обобществлению благ в рамках т. н. долевой экономики (шеринга), когда люди отказываются от владения этими благами и предпочитают вместо этого брать их во временное пользование – как у других граждан, так и у специально созданных компаний. В свою очередь, люди также охотно предоставляют в пользование свои блага (автомобили, жилые помещения и т. д.). Что очень важно, энтузиасты долевой экономики приписывают ей не только экономические, но и социальные, экологические и иные цели (что, как было сказано выше, можно рассматривать как возвышение потребностей). Это, разумеется, происходит в

рамках капиталистической модели, т. е. на платной основе и с сохранением частной собственности, и, более того, создаются фирмы, которые получают выгоду от использования долевой экономики, т. е. капитализм стремится овладеть преимуществами обобществленного доступа к благам. Тем не менее, тенденция обобществления присутствует достаточно отчетливо (но пока только на уровне мелкой частной собственности).

При этом зачастую, как и в СССР, обобществленные таким образом блага воспринимаются как чужие, по отношению к которым пользователь не несет ответственности. К взятым во временное пользование автомобилям потребители относятся гораздо более небрежно, чем если бы эти машины у них были в собственности (в частности, возможно, потому, что они полагают, что обслуживание этих автомобилей и поддержание их в надлежащем состоянии уже включено в стоимость пользования ими – иначе говоря, это не безответственность в чистом виде, а перекладывание ответственности).

Хотя долевая экономика охватывает пока только предметы личного потребления и не затрагивает дорогостоящие средства производства, отметим, что на корпоративном уровне также популярно совместное использование основных фондов. Его инструментами служат лизинг, аренда, код-шеринг (применительно к самолетам и т. д.). В отличие от долевой экономики (в которой присутствует сильная социальная составляющая), это совместное пользование корпоративными активами направлено на повышение эффективности бизнеса. Тем не менее, оно также может рассматриваться как еще одно проявление обобществления средств производства, принимающее специфически капиталистическую форму.

Растет и солидарность населения. Граждане достаточно охотно принимают участие в волонтерских проектах, связанных с поддержкой нуждающихся, реализацией разного рода инициатив и т. д. Труд в этом случае также принимает характер осознанной потребности и не носит принудительного характера, а также не содержит элементов эксплуатации. И

– что очень важно – в этом случае производительные силы также приобретают общественный характер, они направлены на благо общества в целом.

На рынке труда за счет **распространения неустойчивой** занятости борются две противоположные тенденции: ухудшения и улучшения положения трудящихся. Часть работников принудительно выталкивается в неустойчивую занятость с низкими доходами, отсутствием стабильности и социальных гарантий, тогда как другая часть получает возможность гибко управлять своим рабочим временем и доходами, и, в ряде случаев, трансформировать свой труд в полудосуговую форму (сам труд при этом, очевидно, в значительной степени перестает быть отчужденным и становится инструментом самореализации человека). Обеднение, закрепощение и принижение труда идет рука об руку с его возвышением и высвобождением (поскольку для успеха в современном обществе и гарантированного спроса на свой труд необходим высокий уровень человеческого капитала, что, в свою очередь, обуславливает возвышение труда и возвышение потребностей). Первая тенденция описана в книге «Нация свободных агентов», вторая подвергнута жесточайшей критике Гаем Стэндингом в его работе «Прекариат: новый опасный класс», хотя обе они отражают одну и ту же трансформацию трудовых отношений, просто с двух разных сторон. Это явление не новое в мировой экономической истории: хозяйственные трансформации несли в себе как позитивные, так и негативные элементы (достаточно прочесть «Манифест» Маркса и Энгельса, который одновременно выступает как самой выдающейся похвалой капитализму, так и его самым яростным обвинением).

При этом, вероятно, свободные агенты представляют те самые, описанные А. А. Бузгалиным, встроенные в капитализм островки свободы, довольные капитализмом и не протестующие против него. Напротив, прекарии – это пролетариат наших дней. Или, иначе, в рамках «неустойчивой занятости» можно выделить своего рода аналог рабочей аристократии

(свободные агенты) и аналог пролетариата (прекариат). Свободные агенты не однородны, как мы покажем чуть ниже, у их отсутствия протеста против капитализма может быть разная природа. В частности, это отсутствие протеста может объясняться тем, что встроенность в капитализм позволяет им (этим представителям островков свободы) максимально эффективно использовать свой потенциал в рамках капиталистических правил игры. Иначе говоря, свободные агенты повышают эффективность капитализма – но и капитализм позволяет им извлечь выгоду из этого повышения эффективности, и поэтому они одобряют капитализм. Сам же капитализм нуждается в таких свободных агентах – как раньше он нуждался в рабочей аристократии. Их можно назвать классическими свободными агентами или прекарной аристократией.

Возможно, история повторяется, и при анализе прекариата можно провести аналогию со «вторым изданием» крепостничества. Напомним, что в Европе XVII-XVIII в., когда ряд стран уже переходил к капитализму, в государствах Центральной и Восточной Европы, напротив, ужесточилась феодальная эксплуатация крепостного крестьянства, и укрепился феодальный строй. Именно этот ренессанс крепостничества и называется его вторым изданием. Обуславливалось оно, в том числе, потребностью землевладельцев в гарантированной рабочей силе. Для нас, однако, важно то, что на излете феодализма крепостническая эксплуатация вдруг возродилась, причем в своих наиболее жестких и неприглядных формах. Мы полагаем, что можно говорить об определенной параллели с современным миром – о своего рода «втором издании хищнического капитализма». Сейчас, когда модель социально-ориентированного капитализма переживает кризис, наряду с островками передового (креативного) труда неожиданно возрождаются формы эксплуатации, характерные, для раннего, хищнического капитализма с бесправием работников, низкой оплатой труда, необходимостью подработок и т. д. Разница со «вторым изданием» крепостничества обуславливается отличиями, во-первых, между феодализмом и

капитализмом, и, во-вторых, между характерной для Европы XVII-XVIII вв. экономики национальных государств и современной глобальной экономикой в следующем:

- помещики стремились прикрепить работников к земле, чтобы иметь гарантированные рабочие руки, капиталисты, напротив, стремятся избавиться от лишних обязательств перед работниками, перевести их из категории постоянных во временные и т. д.;

- «второе издание» крепостничества затронуло только отдельные страны Европы (наиболее отсталые в экономическом отношении), тогда как «второе издание» хищнического капитализма охватывает весь мир, но затрагивает определенные сегменты рынка труда (неквалифицированный труд).

Распространение приобретает дауншифтинг, который может быть описан как отказ от максимизации своих доходов и от наивысшего карьерного роста в пользу интересной деятельности, способствующей саморазвитию, позволяющей жить в гармонии с собой и обеспечивающей достаточное количество свободного времени. К дауншифтингу прибегают люди, добившиеся определенного материального благополучия (в т. ч. и сформировавшие некоторый капитал, доходы от которого позволяют им стать дауншифтерами), но при этом не заинтересованные в дальнейшем наращивании своего благосостояния. Фактически это антикапиталистическая жизненная модель, в рамках которой люди отказываются от участия как в накоплении капитала, так и от изматывающего, пусть и высокооплачиваемого наемного труда, в пользу своей самореализации. Это еще одна модель преодоления отчуждения труда, хотя и опирающаяся на капиталистический инструментарий (обладание капиталом).

Интересно, что прекаризация занятости, автоматизация производственных процессов, глобализация производительных сил, высокий уровень удовлетворения материальных, а во многом – и нематериальных потребностей, снижение роли собственности в обеспечении благополучия

человека, ведут к появлению специфической группы людей, которые в прямом смысле слова свободны от всего. Они чувствуют себя гражданами мира и готовы работать в любой точке планеты, где есть Интернет (устройство для доступа к которому у них всегда с собой). Они не желают отягощать себя ни собственностью, ни постоянной работой, предпочитая мобильность и возможность заниматься тем, что им интересно и тогда, когда они испытывают желание работать. Они не берут на себя обязательства перед семьей (и зачастую не связывают себя постоянными отношениями). Они не лояльны какой-либо стране. Уровень их квалификации и имеющиеся в современном обществе социальные гарантии обеспечивают им достаточную стабильность удовлетворения их потребностей, однако они не стремятся максимизировать свой доход, поскольку это вынудит их пожертвовать досугом и саморазвитием. Они относятся к описанной выше группе свободных агентов, но не идентичны ей. Они не протестуют против капитализма не потому, что он их устраивает, а потому, что они научились жить при нем и в некотором смысле параллельно ему (в отличие от описанных выше классических свободных агентов, капитализм не заинтересован в этих людях, а они не сильно нуждаются в нем). Вряд ли они осознают себя классом – но я бы позволил себе назвать их именно новым классом, процветанием (от англ. prosperity – процветание, и с окончанием «-иат», напоминающим о пролетариате). Это люди, свободные от обязательств и уз, накладываемых капиталистическим обществом, «пролетариат 2.0», который, вполне возможно, и будет движущей силой перемен, если таковые случатся. При этом традиционный пролетариат продолжает существовать, и современные тенденции будут вести к росту его численности.

Что можно сказать в завершение? Вероятно, справедливо будет утверждать, что развивающиеся в современном мире тенденции указывают на возможность, в случае их углубления, трансформации нашего общества в социалистическое, поскольку по своему содержанию эти тенденции носят более или менее отчетливый социалистический характер (возвышение труда

и потребностей, свободный от эксплуатации труд, общественный характер труда и обобществление собственности). Кроме того, выполняются условия, характеризующие построение материальной производственной базы социализма. Однако эти тенденции реализуются в условиях капитализма, который искажает их характер и стремится овладеть ими к своей выгоде, что заставляет смотреть на их перспективы с определенным скепсисом.

В своей статье А. А. Бузгалин (Бузгалин, 2018) утверждает, что ради повышения своей эффективности капитализм разрешает существование внутри себя отдельных островков будущего социально-экономического устройства. Однако, по нашему мнению, ситуация носит несколько более сложный характер.

Пользуясь исторической аналогией, можно сказать, что в рамках подхода А. А. Бузгалина устаревающий социально-экономический строй конструирует внутри себя элементы нового строя (как в позднем Риме в недрах рабовладельческого строя формировался колонат, служивший интересам землевладельцев и государства). Хотя такой процесс, несомненно, имеет место, мы полагаем, что он сопровождается другими процессами: стихийное возникновение элементов нового социально-экономического строя, неподконтрольных существующему правящему классу (т. е. не встроенных в капиталистическую систему отношений) с попытками капитала подчинить эти элементы своим интересам, встроить их в свою экономическую модель, и борьбой этих элементов за свое самостоятельное существование. В ряде случаев капитализму удается подчинить себе эти элементы – например, шеринг, который, будучи изначально формой совместной потребления, выродился во многих сферах деятельности в специфическую разновидность неустойчивой занятости. Похожая история случилась намного раньше с кооперативным движением, которое фактически трансформировалось в специфическую разновидность предпринимательства, встроенную в капитализм (а многие кооперативы были преобразованы в корпорации и юридически). Это служит подтверждением исключительной

живучести капитализма. Тем не менее, существуют и **подлинные островки свободы.**

Эти тенденции подтверждают правоту Маркса относительно того, что непрерывное экономическое развитие общества неизбежно ведет к социализму. Однако, как было сказано в одной из работ Энгельса, между римским колоном и средневековым крепостным стоял свободный франкский общинник, иными словами, прямого перехода от колоната к крепостничеству на территории бывшей Западной Римской империи не было, этот переход стал возможным в результате слома предшествующей экономической модели во время Великого переселения народов (в отличие от Восточной Римской империи, где развитие носило эволюционный – но и искаженный, по сравнению с западным феодализмом, - характер).

Вероятно, в случае дальнейшего эволюционного развития мы столкнемся со своего рода **коммерческим коммунизмом – парадоксальным явлением, сложившимся на основе углубления социалистических тенденций в рамках капитализма, основанным на высоком уровне развития производительных сил, социальной солидарности** и квази-обобществлении благ. Частная собственность будет сохраняться, но **будет на разумных условиях предоставляться в пользование желающим.** Такой прогноз можно построить исходя из выгод социалистических тенденций в сочетании с исключительной живучестью капитализма, способного поставить все новое на службу себе, а также по причине консерватизма элит.

Здесь можно провести параллель с т. н. «шведским социализмом», который, строго говоря, социализмом не является. Это монополистический капитализм с высоким уровнем социальной защиты населения и очень продуманным социальным контрактом между разными слоями общества, внедренный и успешно поддерживаемый шведской социально-демократической партией за многие десятилетия ее правления. Однако, хотя в шведской модели капитализма **сохраняется эксплуатация трудящихся,** частная собственность и т. д., эти несоответствия реальной ситуации

теоретической схеме социализма не вызывают сопротивления у населения, для которого важны высокий уровень благосостояния, равенство всех перед законом, социальная справедливость, отсутствие дискриминации, равный доступ к общественным благам и т. д., которые в рамках этой модели капитализма достигнуты и гарантированы. Это капитализм, но **выглядящий** как социализм – и потому устраивающий большую часть населения независимо от классовой принадлежности. Такой социо-капитализм возник в результате длительной и тщательно направляемой эволюции капитализма.

Аналогично, описанный нами **коммерческий коммунизм** не будет являться коммунизмом в строгом смысле слова, но для широких слоев людей он будет выглядеть как коммунизм, и потому будет устраивать их. При этом он, вероятно, сможет сохранить сильные стороны капитализма.

Социализм же в классическом понимании этого слова будет, возможно, построен только в случае революционного слома существующей модели.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 44-52.

Бузгалин А. А. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 2. – С. 10-38.

Губанов С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книжный мир, 2012. – 192 с.

Долженко Р.А. Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — 2014. — №1. — С. 168–173.

Колганов А. Октябрьская революция: неудачный эксперимент или прорыв в будущее? // Альтернативы. – 2017. – № 3. – С. 112-123.

Кохно П. А., Кохно А. П. Стратегический путь экономического развития – предприятия коллективных форм хозяйствования // Общество и экономика. – 2018. – № 4. – С. 43-59.

Пинк Д. Нация свободных агентов. М.: Секрет фирмы, 2005. – 328 с.

Стэндинг Г. Прекариат. Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. – 328 с.

Ульянов Н. Солнце, воздух и вода. И китайские друзья // Эксперт. – 2018. – № 41. – С. 13-21.

Хау Дж. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса. — М.: Альпина Паблишер, 2012. — 288 с.

Чэнь Хун. Октябрьская революция 1917 года: начало трансформации мира // Альтернативы. – 2017. – № 4. – С. 11-17.